

Том первый

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ВСТРЕЧИ

ПРИШЕСТВИЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО КОНСТРУКТОРА

Том второй

ДЕТИ ВЕЧНОСТИ

КОНТРАРАЗВЕДКА

ЗАКОН ПЕРЕМЕН

Том третий

АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК

МЕГАМОРФ

Василий Головачёв

ХРОНИКИ РЕЛИКТА

Том второй

ДЕТИ ВЕЧНОСТИ

КОНТРАРАЗВЕДКА

ЗАКОН ПЕРЕМЕН



Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Разработка серии *Н. Плутахина, А. Саукова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Н. Плутахина*

Головачёв, Василий Васильевич.
Г61 Хроники Реликта. Том второй. Дети Вечности ; Контрразведка ; Закон перемен / Василий Головачёв. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 800 с. – (Хроники Реликта).

ISBN 978-5-699-93705-9

Перед вами полные «Хроники Реликта» — настоящий гимн человеческому разуму, духу и сердцу! Грандиозное космическое полотно, превосходящее по масштабу и драматизму все современные произведения о космических путешествиях и контактах с внеземным Разумом!

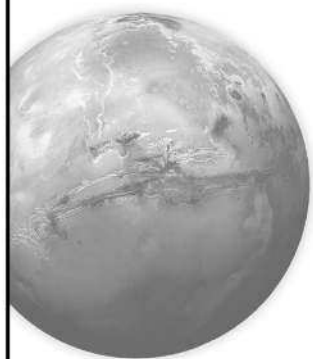
Ещё более отдалённое будущее... После тысячелетия затишья в Космоприуме — заблокированном домене Вселенной — родине Солнца и Земли, где после вторжения Фундаментального Агрессора непонятной природы оказались разрушенными целые галактики и их скопления, а планеты оказались пронизанными чужими физическими законами, но где чудом сохранилась жизнь, появляются новые Игроки — сверхцивилизации, в планах которых нет места тупиковой ветви Разума — человечеству. Десять веков назад право людей на жизнь отстояли файверы — люди с экстраординарными способностями, но они ушли...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93705-9

© Головачёв В.В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ДЕТИ ВЕЧНОСТИ



Вселенная не только более необычайна, чем мы себе представляем, она более необычайна, чем мы можем представить.

Дж. Холдейн

Часть первая

СЛОН В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ.

РАТИБОР

БЕЗ ОСОБЫХ ТРЕВОГ

Было видно, что Ратибор бежит с трудом, из последних сил, и лицо у него не бледное, как показалось Насте вначале, а голубое, с металлическим оттенком. Но больше всего поражал, отвращал и вселял ужас его третий глаз на лбу, словно освещенный изнутри огнем, наполненный страданием и не выразимой никакими словами мольбой.

Споткнувшись, Ратибор упал, а догонявший его чужанин, похожий на кристаллический обломок скалы, навис над ним и стал расти в высоту, подняв над упавшим чудовищные волосатые лапы.

— Стой! — крикнула Настя, поднимая «универсал». — Назад, или стреляю!

— Попробуй! — загрохотал чужанин голосом Железовского так, что эхо ударило со всех сторон.

В отчаянии Настя надавила на спуск, но пистолет изогнулся, как живой, выдавил из себя жидкую струйку пламени, зазвонил и начал таять восковыми слезами...

Настя вскинулась, обводя бессмысленным взором обстановку спальни, уютный «медвежий угол», и со стоном опустилась на кровать, унимая расхолодившееся сердце. Всплыли в памяти строки:

И было там все это чуждо,
Но так упоительно ново,
Что вы поспешили...
Проснуться,
Боясь пробужденья иного...¹

¹ Северянин И. «Ноктюрн».

Поэт почти угадал, разве что эпитет «упоительно» не совсем точен. Хоть не ложись спать!..

В прихожей мягко позвонил дверной сторож.

Настя снова вскочила, в одном пеньюаре выпорхнула в гостиную, но прислушалась к себе и, ссутулившись, вернулась в спальню. Накинула халат, вытерла лицо губкой, глянула на часы: почти двенадцать ночи. Господи, кто там в такой час?

Звонок раздался в третий раз. Тогда она приказала двери открыться. На пороге стоял улыбающийся Коста с огромным букетом гладиолусов.

— Гостей принимаешь?

Настя зябко поежилась, кутаясь в халат, посторонилась.

— Проходи.

Гость сунул ей букет.

— Что у тебя за вид, словно ты спала? Или замерзла? Согреем. — Коста засмеялся, на ходу наклонился, пытаясь поцеловать хозяйку, но та отстранилась.

— Не надо, Косточка. — Голос был тих и тускл, и Настя заставила себя выглядеть такой, какой ее знали в институте. — Садись, но не повторяй весь свой ежедневный репертуар, ладно?

Настя поставила цветы в старинную керамическую вазу, налила воды, посмотрела на цветы и вздохнула. Потом вернулась к гостю.

— Я тебя слушаю.

Коста сел с размаху в кресло, внимательно посмотрел на девушку, улыбка сбежала с его губ.

— Похоже, мне здесь не рады. А вчера кто-то приглашал меня к себе, обещал неземные блага. Или то была минута слабости?

Перед глазами Насти возник колеблющийся образ двух целующихся фигур, потом сверкнула вспышка, одна из фигур исчезла.

Настя кивнула.

— Ты все хорошо понимаешь, Косточка, спасибо тебе за вчерашнее, вообще за сочувствие, ты мне здорово помог... — Она остановилась, потому что гость покачал головой, лицо его на мгновение заострилось и стало злым.

— Сочувствие? Вчера речь ни о каком сочувствии не шла, насколько помнится. Речь шла о другом, о тебе и обо мне, и я понял, что ты наконец заметила...

Настя покачала головой, в свою очередь разглядывая лицо гостя, подвижное, красивое, самоуверенное, с энергичной складкой губ, лицо человека, всегда добивающегося своей цели. Эфаналитик Коста Сахангирей, всесторонний художник, работа с инком в режиме «один на один» для него — конек и средство самовыражения. Его выводы всегда полны красок и тонов. Что ни задача — то произведение искусства, своя «симфония». Отличается кипучей активностью и уверенностью в своих силах. Руководитель лаборатории эфанализа ИВК, в которой работала и Анастасия. Человек без комплексов, не без оснований претендующий на исключительность. И, наконец, интрасенс.

— Не понимаю, — сказал он, пожав плечами. — Я же не мальчик, Настя. Вчера мы, кажется, все обсудили, и я, как джентльмен, остановил развитие событий, хотя мог бы просто воспользоваться случаем. В чем дело, что изменилось?

— Спасибо тебе, — улыбнулась Настя невольно, — за то, что ты джентльмен и вообще хороший парень. Вчера мне было очень плохо, я даже не все помню, что со мной было, но сегодня... нет-нет, изменений особых не произошло, и все же мы отложим разговор до лучших времен. Не обижайся, Косточка, ладно? Хочешь шампанского?

Коста нахмурился.

— Честно говоря, не думал, что ты меня так... встретишь. До сих пор мне казалось, что ты живешь без предрассудков, раскованно и свободно. Или я ошибся? А может быть, кто-то из твоих паритет-повелителей заявил окончательные права? Кто же? Грехов или Берестов?

Кровь отлила у Насти от щек, губы онемели.

Коста криво улыбнулся, вскочил и попытался обнять ее за плечи, заглянуть в глаза, но не смог: ноги словно налились свинцом, приросли к полу, а на плечи навалилась тяжесть, будто при ускорении. Ощущения тут же прошли, Коста опомнился, он мог бы ответить тем же, сил хватило, однако удержался.

— Тебе лучше уйти, — прошептала Настя.

— Извини, — сказал он. — Просто я не привык, чтобы меня, как мальчишку... вот и вырвалось. Но долго жить так... раздвоенно ты не сможешь, и я приду. Позже. Все равно будет так, как я... — он хотел сказать «хочу», но передумал, — как я рассчитал. До встречи.

Ушел.

Настя присела на краешек тахты и, ссутулившись, просидела в таком положении несколько минут, пока раздавшийся в прихожей новый звонок не заставил ее вздрогнуть.

Подождала немного, подумала почти спокойно: если опять Коста, спущу его с лестницы. Но это был не Сахангирей. Перед Настей стоял незнакомый молодой человек с лицом скуластым и добродушным, хотя складка губ на нем была жесткой и твердой, выдающей характер волевой и сильный. Серые внимательные глаза смотрели прямо и открыто, и мерцала в них уверенная сила и хитроватая (мужицкая, подумалось Насте, искони деревенская) мудрость.

На госте была просторная серая рубашка, не скрывающая могучего телосложения, свободного покроя брюки и мокасины известной фирмы «Маленький Мук».

— Вы ко мне? — растерялась Настя.

— Извините за визит в столь поздний час. — Гость виновато развел руками. — Вас трудно застать днем. Меня зовут Егор, я друг Ратибора.

Настя почувствовала слабость в ногах и противную сосущую холодную пустоту в груди. Очнулась от прикосновения к спине: ее поддерживала горячая сильная рука гостя.

— Извините, — проговорила она, сделав глубокий вдох, выпрямилась и отвела руку. — Не подумайте, будто я настолько слаба, что не могу справиться с собой... Проходите.

— Спасибо. — Молодой человек, обдав хозяйку волной воздуха с запахом сена и моря, прошел в гостиную, ступая бесшумно и мягко, несмотря на рост и вес; точно так же ходил и Ратибор. И сел он в предложенное кресло осторожно и бесшумно. Настя устроилась напротив, стиснула кулаки, пряча их в рукавах халата.

— Слушаю вас.

Гость покачал головой, с откровенным любопытством разглядывая ее. Настя поймала себя на досадном чувстве: она никак не могла нащупать эмоциональной и мысленной сферы Егора. Попыталась сосредоточиться, но у нее ничего не вышло.

— Это я вас слушаю, — сказал он, удовлетворившись осмотром. — Ратибор сказал, чтобы я зашел к вам, если с ним что-нибудь... вот я и зашел. Могу я чем-нибудь помочь?

Настя расслабилась, откинулась в кресле, улыбнулась сквозь набежавшие слезы.

— Господи, а я подумала... Ратибор говорил мне о вас, я вспомнила, только не совсем представляла, какой вы.

— И какой же?

Она снова улыбнулась.

— Вы на него похожи. Хотите кофе?

— Хочу, — серьезно кивнул он.

Настя выпорхнула из кресла, удивленная и обрадованная.

— Подождите минуту. Если хотите, включайте видео, там есть хорошие кассеты, выберите. Или полистайте альбомы, второй ряд кристаллотеки.

Когда она вернулась из кухни с подносом, гость сидел с кассетой стереофотографий на коленях. Ткнул пальцем в одну из фотографий:

— Ваша мать?

Настя поставила поднос, наклонилась над плечом Егора, с интересом посмотрела на его сосредоточенное лицо.

— Вы проницательны, это моя мама. Еще никто из моих знакомых не угадал, кто это, все считают — я. Пейте. Это пироги с вязигой, готовила сама. Я вообще неплохой кулинар.

Егор кивнул, беря пирог и чашку с кофе.

— Ратибор мне говорил.

Они пили кофе и болтали о «вертикальном» туризме, психологии, балете «саундай» и о всяких пустяках, и Настя с удивлением прислушалась к себе, чувствуя, как глухая стена тоски и боли, выросшая в душе и отделившая ее от остального мира после ухода Ратибора, вдруг стала трескаться и разрушаться.

Егор оказался серьезным собеседником, любившим и умевшим не только говорить, но и слушать. Чувствовалось, что

у него по каждому затронутому вопросу есть своя собственная точка зрения, каковую он и отстаивал аргументированно и с достаточной уверенностью. Он был серьезен, обстоятелен и уравновешен в той мере, которая почти всегда нравится женщинам в возрасте, называющим таких мужчин одним словом «хозяин», и Настя невольно улыбнулась, отвечая своим мыслям, хотя через минуту всю веселость ее как рукой сняло: какой-то неуловимый жест Егора внезапно живо напомнил ей Берестова.

— Расскажите, что с ним случилось. — Гость чутко реагировал на эмоции хозяйки и точно знал, когда и какие вопросы можно задавать. Такая его пронизательность, в общем-то, контрастировала с внешне простоватым видом, Настя отметила это машинально, однако ее в данный момент занимало другое. Сначала запинаясь, потом на одном дыхании, она пересказала Егору всю историю своих отношений с Ратибором и, закончив рассказ на слове «ушел», замолчала, вдруг всхлипнув по-бабьи.

— Понятно, — сказал Егор, задумчиво потирая переносицу пальцем. — Значит, Конструктор вылутился, а послы остались внутри?

— Еще неизвестно, вылутился ли он вообще, ученые не могут разобраться. Канал БВ сжимается, а на месте «пули» возникла зона странных эффектов, область гипергеометрии, как ее называют, продолжающая мчаться в прежнем направлении, и ничего похожего на того Прожорливого Младенца, съевшего половину Марса сто лет назад.

— Тогда не все еще потеряно. Я думал, вы точно знаете, что Ратибор... м-м... погиб, а оказывается, ничего не известно.

— Габриэль сказал... — голос у Насти сорвался, и она закончила шепотом, — что у Ратибора один шанс из миллиарда...

— Габриэль — это Грехов? А разве он не может ошибаться, как и любой другой человек?

— Он — нет. — Настя глубоко вздохнула, вытерла щеку и виновато улыбнулась. — Хотя я очень надеюсь, что он ошибается.

Егор кивнул, не теряя невозмутимости, лишь в серых глазах его промелькнула едва заметная тень озабоченности.

— Он вернется, Настя, поверьте, Ратибор не такой человек, чтобы погибнуть за здорово живешь.

— Правда? — жадно спросила она, тут же сдерживая порыв.

— Правда, — твердо сказал он, потом встал и протянул руку. — До связи, Анастасия, мой телекс у вас есть, звоните, если понадобится, особенно если срочно. В свою очередь, не сердитесь, если позвоню в неурочное время, характер моей работы не позволяет мне владеть свободным временем по своему усмотрению.

— А где вы работаете?

— В одном из детских учебных городков Крайнего Севера, простым учителем.

— «Простым», — невольно фыркнула Настя, провожая Егора. — Будто я не знаю, насколько сложна эта работа. Спасибо за визит. Честно говоря, я захандрила, и вы меня вытащили из болота хандры вовремя. Буду рада новому визиту.

— Доброй ночи, Анастасия.

— Зовите меня Настя или Стася, хорошо?

— Идет. А вы меня Горка или Егорша, так меня мама в детстве называла.

Настя засмеялась, чувствуя удивительное облегчение и желание что-то сделать. Спихватилась:

— Как же я вас найду? У меня нет вашего номера.

Егор оглянулся.

— Уже есть, спросите «домового».

Настя растерянно посмотрела в его умные глаза с блесками иронии, позвала, смутившись:

— Панса, дай мне телекс Егора... э-э?

— Малыгина, — подсказал Егор. — Хорошая память.

— Так вы... интрасенс? — догадалась наконец Настя, припомнив свои мелкие удивления по ходу знакомства, сложившиеся в цепь умозаключения.

— Я шаман первого сука, — серьезно ответил Егор. — По древним легендам шаманского культа, сложенного некогда эвенками и якутами, души будущих шаманов воспитываются в гнездах на суках «мирового дерева», так вот я — шаман из гнезда первого сука. Доброй ночи, Настя.

— Доброй ночи, — ответила Настя и добавила, улыбнувшись, когда он ушел: — Егорша...

Побродила по комнатам, мысленным усилием меняя освещение, пока не остановилась посреди гостиной с ощущением какого-то внутреннего неудобства. Ощущение длилось недолго, но она уже поняла, что это такое — Габриэль давал знать о себе, посылая пси-волну с только ему присущими характеристиками. Понимая ее чувства, может быть, лучше, чем сама Настя, он не тревожил ее звонками и не добивался встреч, но всегда давал понять, что не выпускает ее из поля зрения и может оказаться рядом в любой момент.

Вздыхнув, Настя сняла халат, критически оглядела себя в зеркале, отмечая появление новых черточек в облике, с удовольствием расправила пеньюар — она любила красивые вещи, — и тут раздался третий за этот поздний вечер звонок. Сердце подскочило и провалилось вниз, кровь отлила от щек, первой мыслью Насти было — Ратибор! Потом вернулась мудрая и тоскливая способность трезвой оценки: Ратибор вошел бы без звонка, и Настя открыла дверь, не пытаясь вычислить, кто стоит за ней.

— Я не слишком поздно? — спросила Забава Боянова, с интересом разглядывая хозяйку, забывшую накинуть халат.

Настя опомнилась, невольно краснея под этим взглядом.

— У меня сегодня вечер гостей, — сказала она, отступая в гостиную. — Извините, Забава. Не думала, что это вы.

Боянова улыбнулась.

— Я это поняла. А кто был? — Она прошла вслед за хозяйкой, принимаясь. — Фу-фу, русским духом пахнет! Уж не Иванушка ли дурачок заходил? Помнишь сказки про Бабу Ягу?

— Помню. — Настя улыбнулась, внутренне собираясь. Боянова была интрасенсом «большой силы», Насте не хотелось, чтобы она видела ее состояние и внутренний дискомфорт. — Только на Бабу Ягу вы похожи мало. Были у меня двое добрых молодцев, нашедших свободную минуту, чтобы проявить сочувствие и милосердие.

— Ага, вижу, ты в этом не очень-то нуждаешься. Что ж, люблю сильных женщин. Как и сильных мужчин. Я не займу

у тебя много времени, у меня самой его нет, но кое-что интересное сообщу, не возражаешь?

Настя не возражала. Они сели и некоторое время присматривались друг к другу, согласовывая психоэмоциональные связи.

Боянова была одета в удивительное, черное, как ночь, играющее звездными огнями платье, скрывающее и одновременно подчеркивающее фигуру, и хотя Настя тоже знала секреты, как в зрелые годы сохранить красоту и молодость, тем не менее и она с невольным восхищением отметила умение женщины держать себя в форме и быть естественной всегда и со всеми.

Забава едва заметно усмехнулась.

— Ты тоже не обделена природой, красна девица, от друзей отбоя нет, так что не печалься. Как долго я тебя не видела? Два месяца? И все это время ты просидела в затворничестве? — Боянова осуждающе покачала головой. — Уходить в саньясу¹ в твои годы рано, погоревала и хватит, досыть, как говаривала моя бабуля, впереди. Да и не все ясно с послами, может быть, они и не погибли.

Настя обхватила руками плечи, уголки губ ее грустно опустились, придав лицу неповторимый колорит Феи печали.

— Не надо, Забава, ни утешений, ни надежд, Ратибор не вернется, я знаю.

Боянова нахмурилась, в ее облике вдруг проглянула натура властная и решительная, как нестираемая печать должности председателя СЭКОНа.

— Это тебе твой Грехов навещал? А сама ты разве не знаешь, что будущее подчиняется вероятностному закону? Разве рассчитанные тобой футурграммы всегда сходятся с абсолютной точностью? Допускаю, что Грехов способен видеть глобальные изменения временного ствола и даже отдельные крупные ветви, но не все же веточки и листочки. Не знаю почему, но я уверена, что Берестов выкарабкается.

Настя снова покачала головой, отвечая скорее себе, чем гостю. Потом с усилием преодолела готовые вырваться возражения.

¹ Саньяса — стадия полного отречения от материальной жизни.